

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

Между звуками и буквами

Много лет тому назад я поступала в Ленинградский (уже и еще не Санкт-Петербургский!) университет. Пожалуй, это был один из самых дерзких и отчаянных поступков в моей жизни. Я сдала уже два экзамена — по истории и немецкому языку, получила соответственно "четверку" и "пятерку" (хоть, на мой взгляд, должна была бы получить их наоборот). Когда же я получила "пятерку" по сочинению, то в общежитии на меня бегали смотреть.

Я пришла на последний экзамен, выстала билет, не помню все вопросы, а может, их и было всего два — один по языку, один по литературе. Первый вопрос меня обескуражил: "Звуки и буквы русского языка", так приблизительно звучал вопрос. Ну, где здесь развернуться?! Я начала говорить о гласных и согласных, звонких и глухих, шипящих, правильно, но без вдохновения... Языковед был в плохом расположении духа, явно ко мне придирился, и, удрученная, я, наконец, пересела к другому экзаменатору — литератору, понимая, что вот сейчас-то и произойдет мое настоящее поражение.

В билете была "Вторая часть "Поднятой целины" Михаила Шолохова", что-то про развитие в ней образов первой, "классической" части. Если "Тихий Дон" и "Поднятую целину" я помнила хорошо, то вторую часть даже не читала... Слава Богу, в конце пятидесятых — начале шестидесятых уже был издан Бабель, мы зачитывались Ремарком и Хемингуэем, проглатывали тома Стефана Цвейга, Генриха и Томаса Манна (ночи и дни, проведенные в очередях на Дерибасовской у магазина подписных изданий, были не напрасными!), читали взахлеб К. Паустовского, "Оттепель" И. Эренбурга и "Не хлебом единым" В. Дудинцева, уже печатались молодые, Ю. Казаков и В. Аксенов, а тут, нате вам, Шолохов со своей второй "Поднятой целиной". Я поняла, что погибла, прощай, Ленинградский университет, рано я радовалась. А все из-за Шолохова. Помог же мне Александр Сергеевич Грибоедов получить "пятерку" за свое "Горе от ума", а этот, Шолохов, мало того, что написал вторую часть, так еще и высоколет в моем билете.

Словом, ни жива ни мертва я села ко второму экзаменатору — литератору, и в безвыходной ситуации единственной, что пришло мне в голову, — доверительное признание, мол, не читала я этой второй части. Экзаменатор посмотрел мой экзаменационный листок, спросил, о чем было мое сочинение, потом начал меня расспрашивать, что же читала я вместо шолоховской "второй части". Тут меня понесло, я с одесской страстью начала говорить о любимых книгах последних лет. Он продолжал задавать вопросы. Наконец он остановился, наклонился к моему уху и произнес тихо: "Я тоже не читал вторую часть "Поднятой целины". Потом с языковедом они долго препирались, это было время, когда обсуждение оценки проходило при абитуриенте (!). "Мой" литератор требовал только "пятерку", ссылаясь на сочинение и на "блестящие знания" (о "Поднятой целине" умолчим), наконец, настоял на своем, мне поставили общую "пятерку", и вопреки Шолохову и придиричивому языковеду я стала студенткой.

Я не поняла тогда, что этот вопрос в билете о буквах и звуках не случаен, что игра звуков и букв войдет в мою жизнь то веселыми, то грустными эпизодами.

Одно из первых воспоминаний — веселая буква *В* на уроке русского языка в шестом классе.

"Никогда не чаВкайте, когда пишите "участник, участвовать", — сказала Софья Петровна, обращаясь к нашему классу. И хоть мне эта мнемоника была вроде бы ни к чему, но и само слово "мнемоника" я услышала тогда впервые, из уст нашей учительницы, и шутиливый орфографический совет запомнился навсегда.

И возникшая ненависть к букве *А*, из-за которой наше существование на какое-то время превратилось в некий фантом, мы превратились в подобие поручика Кижэ в современном варианте. Еще бы!

Живешь-живешь, знаешь свой адрес, хоть прописка отменена как институт, но ты прописан, вот и в паспорте печать, и все документы с адресом, по которому ты живешь. И вдруг, по случайности, ты узнаешь, что дом, в котором ты живешь, имеет добавку к номеру в виде буквы *А*. А вот этот, в твоём же дворе, напротив, имеет такой же номер, правда, без буквы *А*. Но в нем нет квартиры с твоим номером.

Эта пропущенная в документах буква *А* привела в состояние стресса, не проходящей головной боли. Нужно ли говорить о беготне по девяти кругам чиновничьего лабиринта?

Пустое вы сердечным ты Она, обмолвись, заменила...

Это было давно. Я была начинающей преподавательницей. Преодолевая робость и стеснение, постепенно входила во вкус общения с аудиторией, торопилась рассказать как можно больше того, что было очерчено программой курса истории искусства... Однажды речь шла о замечательном художнике Николае Николаевиче Ге. На все лады я произносила это имя, пока на каком-то словесном выражении меня не занесло, и я произнесла: "Николай Николаевич Ге...". Я осеклась, не склонная к румянцу, залилась багровой краской, а один из студентов, ушедший в отставку по болезни капитаном (по возрасту он был старше меня), язвительно спросил: "Валентина Степановна, вы что, алфавит повторяете?"

Больше о замечательном художнике Николае Николаевиче Ге я своим студентам никогда не рассказывала...

К-9

Эту букву, непременно под ручку с девяткой, знали, кажется, все — "с южных гор до северных морей". Центральный телеграф в Москве на улице Горького, бывшей и нынешней Тверской, и там же почтовое отделение К-9. Все командировочные со всего Союза получали там письма, телеграммы "до востребования". Бывали там все: "и гордый внук славян, и финн, и ныне дикий тунгус, и друг степей калмык". И, конечно, наш брат одесит. Ты мог месяцами не видеть знакомого в Одессе, но на К-9 он распаивал тебе свои объезды.

Там же назначались свидания. До сих пор чувство вины не покидает меня, когда вспоминаю, как толклись на К-9 в жестокий мороз Влад Дашевский и Голубовский, время от времени перебега совершенно обезлюдевшую вечернюю улицу Горького — на противоположную ее сторону, заглядывали в окно дамской парикмахерской, делая мне выразительные, то грозные, то просительные жесты, а я сидела в тепле и холе, под феном и ножницами куафера. Мы должны были ехать в ИЗМИР АН, где жили Дашевские. Не могла же я явиться в Академгородок с непричесанной, нестриженной головой (я примчалась в Москву из Питера сразу же после зимней сессии). Вот и нашла время и место!

Среди многих встреч на К-9 и та, очень давняя.

Я приехала в Москву после долгого перерыва. Среди встреч с давними друзьями я вспомнила об одном знакомом, позвонила ему и предложила встретиться на К-9. Я появилась там раньше назначенной встречи, успела узнать, нет ли чего мне на "до востребования", позвонить еще нескольким знакомым, и вдруг, раньше назначенного времени, увидела несущегося ко мне с распростертыми объятиями старого знакомого. Никакой радости в этот миг я не испытала, а только

мгновенный прилив женской зависти: "Да что же это?! Мы не виделись столько лет, он стал еще моложе, а я-то "повзрослела" на эти годы!". Но в это время я услышала: "Валентина Степановна!" — и зависть мгновенно отступила. Это был мой бывший ученик, живший уже несколько лет в Москве, женившийся на одной из дочерей Лидии Либединской (когда-то я рассказала Лидии Борисовне этот сюжет), тем самым ставший родственником Игоря Губермана, тоже зятя Либединской. Правда, мой бывший ученик, Гриша Патлас, в Израиле стал раввином. Гриша, повзрослевший на несколько лет, стал похож на моего знакомого в молодости...

Мы радостно и весело разговаривали с Гришей, как вдруг я увидела растерянно оглядывающегося по сторонам, кого-то ищущего человека. Узнаваемого, но изменившегося...

От сердца отлегло...

Е

высокомерное

Жарким московским днем мы вышли с мужем из огромного здания Манежа, где проходила всесоюзная выставка фотографии. Среди ее участников был наш друг Александр Виханский, в шестидесятые годы один из самых талантливых фотодожников Союза, удостоенный многочисленных международных наград. (Теперь он получает международное признание как оператор прекрасных кукольных мультфильмов!) Саша незадолго до этой выставки работал фотографом у Петра Тодоровского на фильме "Фокусник" — с Ольгой Гобзевой и Зиновием Гердтом.

И среди портретов Зиновия Гердта, Ольги Гобзевой и других знаменитостей Виханский выставил в Манеже и мои изображения. Я была и счастлива, и обескуражена одновременно.

Вот в этом смятении чувств я и вышла из Манежа. И как бывало в те годы, мы тут же встретили одесского знакомого, женившегося недавно на москвичке.

— Софа! — воскликнул наш знакомый, обращаясь к своей жене и указывая на меня, — вот девушка, портреты которой мы только что видели!

Софа повернулась в мою сторону и произнесла не по-московски, а скорее с одесской интонацией:

— Ой, что-то я ее не узнаю!

— Сними очки, — посоветовал мне муж, очевидно, задетый недоверием Софы к моей идентичности с портретами...

Было жарко, солнце палило беспощадно. Я, наивная, сняла темные очки.

Софа еще раз смерила меня от головы до ног и произнесла с высокомерным торжеством:

— Ой, она там гораздо красивее Е-Е-Е!

Фонетическая промашка звуку Р посвящается

Мой отец слегка картавил. Эта особенность его речи досталась из трех его дочерей младшей, то есть мне. Говорили же обо мне в детстве: "Вылитый Степан Никитич!" — возможно, имея в виду не только внешнее сходство, но и особенность моей дикции, более утрированной, чем у папы. Мама и сестры пытались научить меня правильно произношению злосчастного *Р*, но все их старания были напрасны.

В детстве я от этого страдала. Меня передразнивали, я произносила свою фамилию "Королёва", а меня переспрашивали: "Как, Ковалёва?!". Я очень любила читать стихи вслух, но когда в школе на уроке литерату-

ры я читала монолог Годунова "Я отворил им житницы, я злато рассыпал им, я им сыскал работы — они ж меня, беснуясь, проклинали!", пыталась передать царственное звучание речи Бориса, нажимая на *Р*, класс хохотал. Что уж говорить о Маяковском в моем исполнении: "В терновом венце революцией грядет шестнадцатый год!". Класс просто стонал!

Потом я сменила фамилию Королева на Голубовскую — с таким успокаивающим и легким для меня *Л* в середине.

Затем я много лет преподавала и тщательно выписывала на доске все многочисленные имена и термины из истории искусства, истории костюма и материальной культуры, особенно с буквой *Р*...

Словом, эта буква *Р* меня преследовала всю жизнь!

Стихи я любила по-прежнему, хоть все реже читала их вслух.

Однажды, перечитывая стихи Юрия Михайлика и задержавшись на строчках "Тут и жили мы в четвертом поколении на краю своей родной Гипербореи", я подумала: "Нужно кому-нибудь подарить идею", — и вскоре, разговаривая с Валерием Исааковичем Хаитом, сказала ему, что мне кажется, — строчка про Гиперборею могла бы стать названием книги об Одессе. Дарю идею!

Прошло еще несколько лет, может, было дерзостью с моей стороны начать писать свои тексты, но так уж случилось, а потом родилась идея собрать их под одной обложкой. В поисках названия я опять вспомнила стихи Михайлика, оглянувшись окрест, увидела, что никто моей идеей не воспользовался, и, испросив разрешения и получив его от Юрия Николаевича, назвала свою книжечку "На краю родной Гипербореи".

Прошло несколько дней после выхода книжки, и муж утром мне говорит: "Знаешь, мне ночью приснился такой веселый сон, что я хотел тебя разбудить, но пожалел (Огромное за это спасибо!). Мне пришлось, что ты приезжаешь к Ксаночке, дарим ей твою книжку. Ксаночка читает "На краю родной Гипербореи", а потом то, что ты написала о ней, и начинает до слез смеяться!". Как заразительно смеялась Ксаночка Добролюбовская, забыть невозможно! Но в этот момент у меня самой начался нервный смех: "Боже, что же я наделала! Как же мне вслух произносить название моей книжки, эту строчку Михайлика, объединившую мои тексты?! Как мне передать этот рокот моря в четырех *Р* одной строки?!".

Но тут же я успокоилась — мне ведь не грозят публичные выступления. И главное — я вспомнила не только Ксаночку и "времена, когда она, грассируя, кричит тебе: привет — распахивая дверь...", но и легко, воздушно перекатывающую *Р* Эддочку Циклиса...

Мы в прежние времена умели не только смеяться над другими, но и с иронией относиться к самим себе. На именинах, на других дружеских пирушках мы становились втроем — Эддочка, Ксаночка и я — и, потешаясь сами над собой, к удовольствию и под смех друзей, хором читали "Кар-р, — кричит ворона. Кража, караул, грабеж, пропажа..." и, конечно же, про незабвенных Карла и Клару!

Я представила себе фантастическую, невероятную картину — мы опять все вместе, мы втроем читаем вслух эту строчку "На краю родной Гипербореи", старательно, каждая по-своему, выговаривая четыре *Р*, и даже такой малости нам достаточно — и нашему дурацкому счастливому смеху нет конца!...

...Звуки любимые Пушкинское О

Юрий Олеша писал, что в строке "И пусть у гробового входа", в этих

пяти *О* ему слышится эхо могильного склепа.

Мне кажется, что Александр Сергеевич вообще был неравнодушен к букве *О*.

"О боги мирные полей, дубров и гор..."

"О дева-роза, я в оковах..."

"О Делия драгая!..."

"О жены чистые пророка..."

"О муза пламенной сатиры!..."

"О сколько нам открытий чудных..."

Можно продолжать.

А любимые имена — Овидий, Оленина, Осиповы, Опочка, осень, октябрь, очей очарованье, Онегин, опера, Орфей...

Одесса, наконец!

По всей "Одесской" главе рассыпаются, катятся, подпрыгивают, насмешничают, поют, звенят пушкинские *О*.

Раскрытые, круглые, как *О*, алчущие молодые рты:

Что устрицы? Пришли! О радость!

Летит обжорливая младость

Глотать из раковин морских

Затворниц жирных и живых,

Слегда обрызгнутых лимоном

Шум, споры — легкое вино

Из погребов принесено

На стол услужливым Отоном...

Как каватина звучит:

Пора нам в оперу скорей:

Там упоительный Россини,

Европы баловень — Орфей.

И переключка молотков, за которой уже слышится будущее цоканье

копыт по звонкой мостовой. Два десятка *О* рассыпались, зазвенели,

зацокали в четырех строчках!

Но уж дробит камень молот,

И скоро звонкой мостовой

Покроется спасенный город,

Как будто кованой броней...

Одесские С

В имени нашего города мне нравятся все, абсолютно все буквы, все звуки. Но, пожалуй, особенно два *С*, любовно и нежно прильнувшие друг к другу. Именно они придают имени Одесса европейский шарм и средиземноморский блеск (не буду обращаться к общеизвестным античным реминисценциям в названии города), как будто волны Средиземноморья, его культуры докатились до "берегов эвксинских вод"...

И таким осиротевшим становится один, оставшийся из двух *С* (какой? правый, левый?) в украинском начертании имени города. Я понимаю, что правила грамматики в любом языке требуют неукоснительного соблюдения. Но все же, все же...

Мне даже приснился сон, в котором я, старательно выводя буквы пером № 86 в тетради в косую линейку, пишу письмо:

"Ясновельможне панство! Усілякі можновладці та керманічі!

Ви тільки тим і займаєтеся, що дбаєте про добробут маленького пересічного співвітчизника — цілодобово, ні на що інше не втрачаючи часу. Але ж попри цю обставину ви ще й переймаєтеся турботами про культуру спадщину, бо ви добре на ній знаєтеся!

Ви так шануєте вишукані мистецькі твори за часів старожитності, зокрема трипільські, козацькі та навіть за часів Стародавньої Греції. Видайте, будь ласка, як винажок, розпорядження залишити нашому місту оті два *С*, з якими, накресленими карбованою та урочистою латиною, Одесса відома усьому світові. Нехай ті два *С* пересвітяться поміж собою, як на давньогрецькій окарині або на українській сопілці. Нехай наше місто дошкандибає до європейської спільноти зі своїм античним ім'ям. Якщо треба якусь літеру знизити для рівноваги, то пропоную, наприклад, у слові "комунізм" не залишити жодного *М* з оцих двох. Не шкодуватиму!".

Далее-почти по Гоголю: "Не дают ответа"...

Я проснулась в холодном поту...